

Трикстеры тюркской мифологии: Тастаракай

Институты шутовства и юродства как духовные проявления историко-культурного плана и как социоструктурные образования имеют огромное значение для изучения мирового культурного процесса. В тюркском эпосе *тас* («лысый, плешивый») фигурирует в роли пастуха, слуги или раба. Стоя вне рамок общества и культуры, он наделен всеми атрибутами инакового существа, и его «безволосость» лишь подчеркивает это. Поэтому герой, приезжая во владения чужого хана, часто принимает облик тастаракай — нищего неприглядного бродяги, плешивца, существа той зоны Космоса, где не действуют законы культуры.

Анализируя образ *тас а*, Н.П. Дыренкова приводит данные из этнографии телеутов, которые этим термином обозначали лишенных материнской опеки сирот. Их остригали, чтобы «предупредить от паршивости». «Может быть, пастухи, - предполагает Н.П. Дыренкова, - получили название *тас* потому, что они обычно вербовались из неимущих слоев населения, из сирот». Конечно, фольклорный *тас-таракай*, как и пастух-сирота реального общества, - существа, находящиеся на периферии культуры. Однако в данном случае их сближает отсутствие волос, что для традиционного сознания было универсальным признаком асоциальности [4,141].

Сегодня мифоэпический персонаж Тастаракай (*онт. тас* - лысый; *таракай* - голые скалы на вершинах гор) олицетворяет для алтайцев смекалку и хитрость. Могучий Алып-богатырь в образе смешного чудака Тастаракай побеждает врагов. Часто лучшим средством для достижения благородной цели является не богатырский меч, а мудрость, остроумие и смекалка. Превратившись в неунывающего мужичка, богатырь и секреты неприятеля раскроет, и обиженных утешит, и песней веселой ободрит. Тастаракаю всегда сопутствует удача: *Тастаракай [в юрту] вошел. / Войлочную шапку сняв, / Со стариками поздоровался, / К очагу присел. / -Здравствуйте, здравствуйте, старики, /Живы ли, здоровы ли, почтенные? /К вам, пожилым людям, /Я, Тастаракай, заехал, - сказал.*

Тастаракай - алтайский «брат» русского Ивана-дурака. Придуриваясь и балагуря, шутками-баснями он может заморочить голову любому, а под маской захмелевшего дурачка до поры до времени скрывается эпический герой. Там, где нельзя пройти напрямик, Тастаракай легко находит обходную дорогу. Очень часто именно он становится источником самых невероятных представлений об Алтае, поднимает темы, традиционно запретные для посторонних.

На Алтае существует юмористический конкурс «Тастаракай» - конкурс остроловов, шутов, национальная игра, в ходе которых исполняются шуточные миниатюры с главным героем Тастаракаем. Это веселое народное представление, конкурсы национального костюма. Под руководством Сурайи Сартаковой на праздниках выступает детская фольклорная группа «Тастаракай», в республиканской газете «Алтайдыу Чолмоны» основана рубрика анекдотов «Тастаракай». В Горно-Алтайске зарегистрирован эконоцентр «Тастаракай».

Современная алтайская пословица «*Таакылу тпорбок }орыкчы, Тастаракай кокырчы. Облезлый бычок ходко идет, Тастаракай пошутить любит*» воссоздает эпический сюжет, когда, отправившись в путь, герой изменяет свою внешность, принимая образ *тастаракая*; его конь принимает вид *торбок'а* (алт. 'однолетний бычок', 'неприглядный конь').

Желая обидеть алтайца, говорят «*подобно Тастаракаю*» («кривоногий, узкоглазый скотовод»), имея в виду непривлекательную внешность персонажа.

Тастаракай - типичный трикстер. Как отмечает Ю.Е. Березкин, обычно трикстером именуется любой персонаж, для которого характерно трюкачество, создание абсурдных и комических ситуаций, в чьем образе противоречив набор основных свойств - сильный и слабый, свой и чужой. Трикстер то выигрывает, то проигрывает в результате своих проделок, творит то добро, то зло. Он воплощает собой «ум без чувства ответственности» [2, 198] и совмещает «полярные свойства обоих братьев-близнецов» [2, 166].

Главная функция трикстера - преступать общепринятые нормы и установки, профанировать сакральное, колебать установленный богами миропорядок, нарушать равновесное состояние Верха и Низа. Трикстер, особенно в своих архаичных зооморфных разновидностях, весьма глумлив, циничен, для него практически нет ничего святого.

Касаясь вопроса о социальной и мировоззренческой оправданности этого во многом загадочного фольклорного образа, Е.М. Мелетинский приходит к заключению, что сказания о трикстере указывают на поиск людьми некой «легальной отдушины, известного противоядия мелочной регламентированности в родовом обществе, шаманскому спиритуализму и др.» [6, 179]. В реальной жизни поиск этой отдушины проявляется «в элементах самопародии и распушенности, имевших место в австралийских культовых ритуалах, римских сатурналиях, средневековой масленичной обрядности, празднике дураков и др.» [7,27].

Тезис о «легальной отдушине» как условия выплеска накапливающейся внутри человеческого коллектива теснящей душу энергии развивал И.Н. Гемуев, главным образом на примере Медвежьего праздника у обских угров: «На всем протяжении существования, - рассуждает ученый, - человек был обречен на необходимость создания норм и следования им, без чего

невозможно функционирование социума. В то же время, чтобы не сойти с ума, чтобы не возникла ситуация короткого замыкания, оказалось необходимым создавать иллюзорные возможности ненорматизированного поведения... Спорадичность (а на самом деле завуалированная регулярность)... средневековых карнавалов заключает в себе в скрытом виде идею неотвратимости, неизбежности норматизированного поведения людей во все остальное, внекарнавальное (и внепраздничное) время. Таким образом, Медвежьи праздники, как и карнавалы, являются средоточениями противоположностей. С одной стороны, казалось бы, налицо разнузданность и вседозволенность, с другой - неявные указания на необычный, исключительный, не относящийся к повседневности характер этой вседозволенности. А стало быть, во всем, что относится к основным характеристикам бытия, господствует относительная норма» [3,39].

Трикстер состоит из двух творческих «половин» - светлой и темной; одна творит во благо людей, другая - во зло им, т.е. он одновременно и герой, и антигерой, и эти две его сути были с ним всегда. Они никогда не разделялись. Трикстер всегда «переступает» и «нарушает» - иначе говоря, находится в оппозиции к любому миру, в котором он в данный момент пребывает: в мире зла он переступает через зло (т.е. объективно творит добро), а в мире добра - через добро, объективно совершая зло. Так, чукотский Ворон - наиболее архаичный тип трикстера - в своей негативной ипостаси совершает обманы, подлоги, проявляет неоправданную жестокость и непомерную похотливость, глумится над сакральным, нарушает экзогамные нормы и пр., но в других случаях и ситуациях ведет себя как герой-благотель: похищает у нижних духов спрятанные ими Солнце, Луну и звезды; изобретает рыболовство, создает реки, оленей, китов, птиц, собак.

Подобным же образом ведет себя более поздний тип трикстера - мансийский Эква-Пырищ. Плут, глумитель и обманщик, он время от времени позволяет себе совершать добрые дела: отбирает у хозяина Нижнего мира Солнце и Месяц, делает первую лодку, отрубает у шестиногого лося две «лишние» ноги и тем самым делает его доступным объектом мясной охоты. Однако трикстер делает добро не из любви к добру и не из любви к людям, а из бесовского стремления вывернуть «наизнанку» любую вещь, любое явление, в том числе зло, которое, будучи «вывернутым», становится добром [5].

Другое дело, культурный герой. Облик неузнанного Тас-таракая - «плешивого таса» (раба) принимает алтайский богатырь Алтын-коо, приезжая свататься к дочери Тенгри-хана [1].

Задумал Алтын-Коо жениться. Мать по книге-судур называет его невесту - единственную сестру Дьус-Кезера. Алтын-Коо едет к ней, а там, оказалось, со всех концов земли прибыли богатыри (баатыры) и состязаются за право называться женихом. Алтын-Коо преобразился в Тастаракая - плешивого бродягу, которого, куда бы ни приблизился, отовсюду прогоняют.

Но когда баатыры в шутку предложили ему принять участие в состязаниях, он одерживает верх. Брат невесты решил его отравить, за что Алтын-Кор, рассердившись, уезжает домой. В пути он сразился со своим соперником, с Кальдю-Мизе, уничтожил его и его войско. Брат невесты - Дьюс-Кезер - увидев это, испугался и сам везет сестру к Алтын-Коо.

Наконец герой прибывает в страну Кара-Кула каана. В дальнейшем много внимания уделяется поискам спрятанной души Кара-Кула каана. Чтобы разузнать, где находится его душа, Коподей-Мерген принимает образ Тастаракая и становится слугой у желтых лам. Но этот невзрачный вид героя весьма обманчив: герой и в образе Тастаракая очень умен, находчив и изобретателен. Таков Тастаракай во всех эпических сказаниях, где он встречается. Несомненно, здесь отразилось не только отношение к герою - любимцу народа, но и высокая оценка образа представителя социальных низов.

И в «Маадай-Кара», и в других сказаниях в ходе событий, в которых участвует Тастаракай, он отходит от своей «основы» - героя и приобретает самостоятельное значение. Он незаметно становится Тастаракаем «в самом деле». Узнав тайну спрятанной души Кара-Кула каана, герой быстро побеждает его почти без богатырской схватки. Таким образом, борьба героя с Кара-Кула превращена в состязание в уме, ловкости и волшебной силе.

Литература

1. Алтайские богатыри. Т. XII. Алтайский героический эпос. - Горно-Алтайск, 1995. - С. 261-262.
2. Березкин Ю.Е. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии. - СПб: ИДПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге». 2003. - С. 97-164.
3. Гемуев И.Н. Бог и трикстер (на примере мифологических представлений манси) // Изв. СО РАН. Сер.: История, филология, философия. - 1992. - № 1.
4. Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. - 449 с.
5. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. - М.: Ладога-100, 2003. - 352 с.
6. Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. - М: Искусство, 1972. - С. 149-190.
7. Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 тт. - М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. - С. 25-28.

© Голикова Т.А., 2010